

ЭКСПЕРТ

Елена Малкова: Получается, что молодёжь — «ничья»

Эффективность молодёжной политики измеряется не количеством форумов и спартакиад, а количеством суицидов, разводов и уровнем безработицы

Юлия Баталина

На заседании Общественного совета при Министерстве культуры, молодёжной политики и массовых коммуникаций Пермского края 24 декабря 2015 года обсуждался вопрос о передаче отдела молодёжной политики из Министерства культуры в структуру Министерства образования Пермского края. Член совета, доцент кафедры философии ПГНИУ, директор Автономной некоммерческой организации «Молодёжный эксперт» Елена Малкова предложила министру Игорю Гладневу, прежде чем передавать дела в другое ведомство, отчитаться о проделанной работе. Ответом ей было молчание, хотя Малкова в своём выступлении привела весьма неутешительные факты о состоянии молодёжной среды в Пермском крае. А пока чиновники молчат, высажется сам эксперт.

— Прежде чем говорить о молодёжной политике, надо, наверное, определить её субъект...

— Субъект молодёжной политики — это органы власти, реализующие молодёжную политику; учреждения и организации, работающие с молодёжью, и, конечно, молодёжь, то есть, согласно законодательству Российской Федерации, люди 14–30 лет, по отдельным программам поддержки, например жилищным, — до 35 лет.

— В чём заключаются проблемы с организацией работы в сфере молодёжной политики?

— Главный «подводный камень» молодёжной политики — это её межведомственный характер. Молодые люди — это граждане России, и ими, как и всеми прочими гражданами, занимаются и органы здравоохранения, и органы охраны правопорядка, и органы социальной защиты.

Если мы говорим об учащейся молодёжи, то это, конечно, сфера компетенции органов образования. Но ведь органы образования занимаются только учащейся молодёжью, а если молодой человек не учится — он им не интересен. То же самое с органами здравоохранения: пока человек не болен, он вне их компетенции, а пока он не совершил преступления — он вне компетенции органов внутренних дел. Вот и получается, что молодёжь — «ничья».

С одной стороны, это правильно: нет ведь специального агентства по работе с пожилыми людьми, с какой стати молодёжь должна обладать каким-то особым статусом? Но, с другой стороны, молодость — самое активное время в жизни, и она быстро проходит. От того, как мы действуем по отношению к молодёжи, зависит, как мы будем жить через 10 лет. В возрасте до 25 лет человек должен получить что-то, чтобы после начать отдавать государству и обществу. Молодёжная политика — это стратегические инвестиции в будущее государства,

это вклад в человеческий капитал. Она может быть только межведомственной! Отдавая молодёжную политику в одно из ведомств, будь то минкульт, минобр или любое другое министерство, — значит оказываться в ловушке «отраслевой зависимости». Мы это уже наблюдаем в нашем минкульте.

Моя позиция в Общественном совете была основана на исследованиях: я как исследователь, преподаватель, отвечающий за подготовку будущих организаторов работы с молодёжью, имею более широкую точку обзора. Моя реплика на заседании Общественного совета — не попытка уличить чиновников в бездеятельности, а стремление получить офи-

циальную информацию, в которой заинтересованы очень многие, в первую очередь в некоммерческом секторе.

— Какие исследования проводятся в этой сфере?

— Весной 2015 года было проведено независимое исследование МГУ, основанное только на официальных данных, без опросов, интервью и т. д. Из сводок Росстата взяли три ключевых показателя: безопасность жизни, количество преступлений и индекс проявленности талантов, интегрированных в сферы народного хозяйства субъекта РФ.

Результаты Пермского края во многом настораживают. Мы 11-е среди субъектов Российской Федерации по уровню безопасности — и это очень неплохо, это радует. Но в то же время на нашей территории растёт смертность от алкоголизма и наркотической зависимости, от употребления спайсов. По количеству преступлений, совершаемых молодыми людьми (прежде всего несовершеннолетними), мы в последней группе — 16-е снизу.

По индексу проявленности талантов мы в середине, в третьей группе из пяти. Но в сфере промышленности таланты проявляются очень плохо, и это для промышленного региона дурной знак.

— Что такое индекс проявленности талантов?

— Он вычисляется по специальной методике исходя из количества призов на олимпиадах и конкурсах по отноше-

нию к общему количеству молодёжи в регионе и является важнейшим показателем для определения состояния молодёжной политики. Вот и получается, что мы в этой сфере — в конце третьей группы.

Если же брать другие статистические данные, то видно, что в Пермском крае постоянно снижается количество молодёжи. Это, конечно, характерно для всей России — население стареет, растёт нагрузка на государство по содержанию нетрудоспособного населения. В 2015 году за период с января по сентябрь количество родившихся в регионе по отношению к аналогичному периоду предыдущего года снизилось примерно на 1300: в 2014 году в Пермском крае за девять месяцев родилось 29 454 малыша, а в 2015 году — 28 168. При этом смертность в регионе растёт, так что за год естественная убыль населения составила 1148 человек.

Молодёжь в Пермском крае составляет 22% от общего количества населения, эта цифра в целом соответствует общероссийской. Но есть негативные показатели, по которым мы Россию обгоняем. Например, количество абортов у женщин 15–29 лет: оно выше общероссийского и продолжает расти.

Поток убывающих из Пермского края превышает количество прибывающих, несмотря на то, что в Пермском крае в целом лояльная миграционная политика. Основной поток убывающих составляет молодое, трудоспособное население.

ФОТО СЕРГЕЙ КОПЫШКО

